

Лесков Николай Семенович

Повести и рассказы

Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Семенович Л.**
Повести и рассказы: Книга 1 / Лесков Николай Семенович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 130 с.

ISBN 978-5-519-93303-2

ISBN 978-5-519-93303-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„Слабость велика, сила ничтожна. Когда человекъ родится, онъ слабъ и гибокъ; когда онъ умираетъ, онъ крѣпокъ и черствъ. Когда дерево произростаетъ, оно гибко и нѣжно, и когда оно сухо и жестко, оно умираетъ. Черствость и сила — спутники смерти. Гибкость и слабость выражаютъ свѣжесть бытія. Поэтому, что отвердѣло, то не побѣдитъ.“ *Лао — тзы.*

I.

Въ царствованіе императора Θεодосія Великаго жилъ въ Константинополѣ одинъ знатный человекъ, по имени Ермій. Онъ былъ богатъ, благороденъ и занималъ знатную должность. Ермій имѣлъ прямой и честный характеръ: онъ любилъ правду и ненавидѣлъ притворство, а это совсѣмъ не шло подъ-стать тому обществу, среди котораго жилъ онъ.

Въ то время въ Византіи, или въ нынѣшнемъ Константинополѣ, и во всемъ царствѣ Византійскомъ было много споровъ о вѣрѣ и благочестіи, и за этими спорами у людей разгорались страсти, возникали распри, и при томъ, что всѣ заботились о благочестіи, на самомъ дѣлѣ не было ни мира, ни благочестія. Напротивъ того, въ низшихъ людяхъ было много самыхъ скверныхъ пороковъ, про которые даже зазорно и вспоминать, а въ высшихъ тѣ

же пороки покрывало еще всеобщее страшное лицемеріе. Всѣ притворялись богобоязненными, а сами жили нимало не уважая Божья завѣта: всѣ злоупотребляли и другъ друга ненавидѣли, а низшихъ даже и за людей не ставили; сами утопали въ роскоши и не знали, что выдумывать—на что бы тратить золото, а нимало не стыдились того, что простой народъ въ это самое время терзался въ великихъ нуждахъ, и нерѣдко случалось, что бѣдные люди даже умирали съ голода у самыхъ дверей пировавшихъ вельможъ. При этомъ простолюдины знали, что именитые люди и сами между собой безпрестанно враждовали и часто предательски губили другъ друга. Они не только клеветали одинъ на другого царю, но даже и отравляли другъ друга отравками на званыхъ пирахъ или въ собственныхъ домахъ, черезъ подкупъ кухарей и иныхъ приспѣшниковъ.

Все царство почитало себя за самое святое, а какъ сверху, такъ и снизу, все было исполнено страшною порчей.

II.

У знатнаго же вельможи Ермія душа была мирная, и онъ ее очистилъ и укрѣпилъ въ любви къ правдѣ, справедливости и благочестію. Ермій желалъ видѣть въ Византійскомъ царствѣ благочестіе настоящее, а не притворное, которое ничего не пользуетъ, а служить только для одного укорененія при-

творства. Ермій говорилъ: если идти по Евангелію, то надо все такъ и дѣлать, какъ показано въ Евангеліи, а не такъ, чтобы просить у Бога одно, а самому заводить наперекоръ тому совсѣмъ другое; читать: «оставь намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ», а замѣсто того ничего никому не прощать, а за всякую несогласицу злобиться и донимать несогласника, не щадя его ни силы, ни живота.

Надъ Ерміемъ другіе вельможи стали шутить и подсмѣивались, а потомъ начали его выставять передъ царемъ, какъ будто онъ оглупѣлъ и негодится на своемъ мѣстѣ, чтобы править дѣлами.

Ермій началъ это замѣчать и сталъ раздумывать: какъ ему быть? Можно ли ему, чтобы и въ почести остаться, и чтобы самому не испортиться?

И какъ только началъ Ермій сильнѣе вникать въ это, то стало ему казаться, что обѣихъ выгодъ заразъ соблюсти никакъ нельзя, а надо выбирать изъ двухъ одно любое: или оставить Христово ученіе, или оставить знатность, потому что вмѣстѣ они никакъ не сходятся, а если и сведешь ихъ насильно на какойнибудь часъ, то они недолго поладятъ и опять разойдутся дальше прежняго. А съ другой стороны глядя, Ермій соображалъ, что если онъ станетъ всѣхъ своихъ соправителей обличать въ притворствѣ и со всѣми съ ними спорить, и имъ свою правду доказывать, то онъ войдетъ черезъ это всѣмъ въ остылицу, и тогда другіе вельможи обнесутъ его передъ царемъ клеветами и погубятъ.

«Угожу однимъ, — думалъ Ермій: — не угожу

другимъ; если съ хитрыми пойду — омрачу свою душу, а если за нехитрыхъ стану — то имъ не пособлю, а себѣ наживу бѣду. Представляютъ меня какъ человѣка злоумышленнаго, который вѣдаетъ тайности и сѣетъ беспокойствіе, а я могу не стерпѣть напраслины, да стану оправдываться, и тогда душа моя озвѣрѣетъ, и я начну обвинять моихъ обвинителей, и сдѣлаюсь самъ такой злой, какъ они. Царь можетъ на нихъ разсердиться и, пожалуй, опалится, и съ иного и голову сниметъ. А мнѣ тогда какъ это перенести? Нѣтъ, пусть не будетъ такъ. Не хочу я никого ни срамить, ни упрекать, потому что все это противно душѣ моей; а лучше я со всѣмъ съ этимъ смутнымъ житьемъ покончу: пойду къ царю, поклонюсь ему и упрошу его сложить съ меня всякую власть, и когда я важности сбавлю, тогда, быть можетъ, доживу мирно вѣкъ мой гдѣ нибудь простымъ человѣкомъ».

III.

Какъ Ермій задумалъ, такъ онъ и сдѣлалъ по своему разсужденію. Царю Θεодосію онъ ни на что не жаловался и никого передъ нимъ не обвинялъ, а только просилъ отставить его отъ дѣлъ. Царь уговаривалъ Ермія остаться при должности, но потомъ отпустилъ. Ермій получилъ полную отставку и очень обрадовался, но только жена его этому не обрадовалась. Жена Ермія важность любила и въ простотѣ не находила пріятства. Она сердилась на мужа, для чего онъ отъ большихъ должностей отказался и весь

почетъ потерялъ, и говорила: «Можно бы, кажется, хорошо жить и при этомъ. Другіе тоже не безъ Бога живутъ, а такъ не юродуютъ. Что ты за особенный?» Ермій все только отходилъ молчаніемъ и уговаривалъ себя терпѣть, потому что въ то время, когда онъ свою жену бралъ за себя, онъ ей не говорилъ, что свою жизнь къ простотѣ задумаетъ перестроивать, а теперь надо терпѣть, если она не согласна. Но, по недолгомъ времени, жена Ермія скончалась, не оставивъ дѣтей, и бывший вельможа, оставшись одинъ, началъ разсуждать иначе:

«Не указаніе ли мнѣ это свыше? — подумалъ Ермій.—Царь меня отпустилъ отъ служебныхъ заботъ, а Господь разрѣшилъ отъ всѣхъ дѣлъ домашнихъ. Жена моя умерла, и нѣтъ у меня теперь никого такого въ родствѣ моемъ, для котораго мнѣ надо было бы стараться по своимъ имѣніямъ. Теперь я могу рѣзвѣе и дальше идти къ цѣли евангельской. На что мнѣ богатство? Съ нимъ всякія заботы, и хоть я уже отъ служебныхъ дѣлъ отошелъ въ сторону и отъ брачныхъ узъ разрѣшенъ, но, однако, богатство заставить меня о немъ заботиться и опять меня втравить въ такія дѣла, которыя не годятся тому, кто хочетъ быть ученикомъ Христовымъ.

А богатства у Ермія было очень много,—были у него и дома, и села, и рабы, и всякія драгоценности.

Ермій всѣхъ своихъ рабовъ отпустилъ на волю, а все прочее свое богатство продалъ и деньги раздѣлилъ между нуждавшимися бѣдными людьми, а себѣ ничего не оставилъ.

Поступилъ онъ такъ потому, что хотѣлъ «совершенъ быть», а тому, кто желаетъ достигъ совершенства, Христосъ коротко и ясно указалъ одинъ путь: «Отдай все, что имѣешь, и иди за Мною».

Ермій все это исполнилъ въ точности, такъ что даже никакой малости себѣ не оставилъ, и притомъ еще радовался, что это совсѣмъ ему не показалось трудно. Трудно только было начало сдѣлать, одно что нибудь самое любимое отдать, а потомъ даже пріятно стало избавляться, чтобы ничто не путало и ничто не мѣшало идти налегкѣ къ высшей цѣли евангельской.

IV.

Освободясь и отъ власти, и отъ богатства, Ермій покинулъ тайно столицу и пошелъ искать себѣ уединеннаго мѣста, гдѣ бы ему никто не мѣшалъ уберечь себя въ чистотѣ и святости для прохожденія богоугодной жизни.

Послѣ долгаго пути, совершеннаго пѣшими и босыми ногами, Ермій пришелъ къ отдаленному городу Едессу, и здѣсь, въ пустынномъ мѣстѣ, засталъ его страшный громъ и такой дождь, что по всей землѣ потекли потоки, какъ будто змѣи, и Ермій не находилъ, куда бы ему отъ нихъ скрыться, но вдругъ видитъ передъ собою ветхое бревнышко, приперто къ высокой каменной скалѣ. Богъ его знаетъ на что оно тутъ приставлено! А чтобы отъ воды избавиться, Ермій и полѣзъ по этому бревну, и какъ поднялся сажени на три—видитъ въ скалѣ расще-

лину и въ ней сухое мѣсто, какъ только можно одному человѣку установиться.

«Вотъ, — подумалъ Ермій: — это мнѣ готовое мѣсто.—И сейчасъ же влѣзъ въ эту щелку и бревно оттолкнулъ. Бревно откатилось далеко въ пропасть и переломилось, а Ермій остался стоять и простоялъ на скалѣ тридцать лѣтъ. Во все это время онъ молился Богу и желалъ позабыть о лицемѣріи и о злобахъ, которыя видѣлъ и которыми до боли возмущался.

Съ собою Ермій взялъ только одну длинную веревку, которою онъ оцѣплялся, когда лѣзъ на скалу, и веревка эта ему пригодилась.

На первыхъ дняхъ, какъ еще Ермій забылъ убрать эту веревку, замѣтилъ ее пастухъ мальчикъ, который пришелъ сюда пасти козлятъ. Пастухъ началъ эту веревку подергивать, а Ермій его сталъ звать и проговорилъ ему:

— Принеси мнѣ воды: я очень жажду.

Мальчикъ подцѣпилъ ему свою тыквенную пустышку съ водой и сказалъ:

— Испей, отецъ, и оставь себѣ тыкву.

Такъ же онъ далъ ему и корзинку съ горстью черныхъ, терпкихъ ягодъ.

Ермій поѣлъ и напился, и сказалъ:

— Богъ послалъ мнѣ мальчика-кормильца.

А мальчикъ пришелъ вечеромъ въ село и рассказалъ людямъ о пустынникѣ, и люди стали прибѣгать къ Ермію изъ села и приносили ему пищи больше, чѣмъ онъ могъ съѣсть.

Только Ермій спускалъ сверху на длинной бичевѣ плетеную корзину и выдолбленную тыкву, а люди клали ему въ корзину листьевъ капусты и сухихъ, невареныхъ сѣмянъ, а тыкву его наполняли водою. И этимъ бывшій византійскій вельможа и богачъ питался тридцать лѣтъ и не хотѣлъ ничего лучшаго. Ни хлѣба, и ничего готовленнаго на огнѣ онъ не ѣлъ и позабылъ и вкусъ такихъ снѣдей. О розданномъ богатствѣ своемъ онъ не жалѣлъ и даже не вспоминалъ о немъ. Разговоровъ онъ не имѣлъ ни съ кѣмъ никакихъ и казался строгъ и суровъ, подражая въ молчаніи своемъ Иліи, и благодарилъ Бога, что далъ ему такую силу надъ плотію.

Люди считали Ермія способнымъ творить чудеса. Онъ имъ этого не говорилъ, но они такъ вѣрили. Больные приходили, становились въ тѣни, которую солнце бросало отъ него на землю, и отходили, находя, что чувствуютъ облегченіе. А онъ все молчалъ, вперяя умъ въ молитву или читая на память три милліона стиховъ Адаманта и двѣсти пятьдесятъ тысячъ стиховъ Григорія, Піерія и Стефана.

Такъ проводилъ Ермій дни свои, а вечеромъ, когда сваливалъ пеклый жаръ и лицо его освѣжала прохлада, онъ, окончивъ молитвы, размышлялъ о томъ: какъ за эти тридцать лѣтъ зло въ свѣтѣ должно было умножиться и подъ покровомъ ханжества и пустосвятства навѣрно изсякла уже въ людяхъ всякая истинная добродѣтель.

Все, что пустынный могъ вспомнить изъ покинутой имъ прежней жизни въ лицемѣрной столицѣ,

было такъ нехорошо, что онъ отчаялся за весь міръ и не замѣчалъ того, что черезъ это унижалъ всю цѣль творенія и себя одного почиталъ совершеннѣйшимъ.

Повторяетъ онъ наизусть Адаманта, а самъ думаетъ: ну, пусть такъ, — пусть земной міръ весь стоитъ для вѣчности, и всѣ люди въ немъ учатся, какъ школяры въ школѣ, чтобы приготовиться къ вѣчности и тамъ показать свои успѣхи въ здѣшней школѣ и распределиться, кто куда годенъ. Но какіе же успѣхи они покажутъ, когда живутъ такъ лѣнливо и ничему не учатся, и ничего не позабываютъ? Не будетъ ли вѣчность въ пустѣ? Пусть утѣшаетъ Адамантъ, что Творецъ не могъ впасть въ ошибку, когда узрѣлъ, «яко все добро зѣло», а оно на самомъ дѣлѣ никуда не годится. Умъ Ермія напрасно старается прозрѣть: какіе же бываютъ такіе люди, которые могутъ своею здѣшнею жизнью присвоить духу своему способность жить и еще усовершенаться въ безконечной вѣчности?

Никакъ не можетъ Ермій себѣ представить такихъ, и взяло его отчаяніе, что запустѣетъ вѣчность, ибо нѣтъ достойныхъ перейти въ оную.

V.

И вотъ, однажды, когда при опускающемся покровѣ ночи пустынный усильно подвигся мыслию увидать хоть одного человѣка, имѣющаго въ себѣ зерно безсмертія, онъ приклонился головою къ краю

расщелины своей скалы; съ нимъ случилась необыкновенная вещь: повѣяло на него тихое, ровное дыханіе воздуха, и съ тѣмъ принеслись къ его слуху слѣдующія слова:

— Напрасно ты, Ермій, скорбишь и ужасаешься: есть люди, которые уже записаны въ книгу жизни вѣчной.

Пустынникъ обрадовался сладкому голосу и говорить:

— Господи, если я обрѣлъ милость въ очахъ Твоихъ, то дозвожь, чтобы мнѣ былъ явленъ хоть одинъ такой, и тогда духъ мой успокоится за все земное сотвореніе.

А тонкое дыханіе снова дышетъ на ухо отшельнику:

— Для этого тебѣ надо забыть о тѣхъ, коихъ ты зналъ, и сойти со скалы и посмотрѣть на человека Памфалона.

Съ этимъ дыханіе сникло, а отшельникъ восклонился и думаетъ: вѣдѣю ли онъ это слышалъ, или это ему навѣяно мечтою? И вотъ опять проходить холодная ночь, проходить и знойный день, и наступили новыя сумерки, и опять поникъ головой Ермій и слышитъ:

— Спускайся внизъ, Ермій, на землю, тебѣ надо пойти посмотрѣть на Памфалона.

— Да кто такой Памфалонъ?

— Онъ изъ тѣхъ, какихъ ты видѣть желаешь.

— И гдѣ же обитаетъ этотъ Памфалонъ?

— Онъ обитаетъ въ Дамаскѣ.